

Сейчас в осмыслении роли философии и, в частности, ее отношения к науке, присутствуют разноречивые мнения. С одной стороны, сохраняется мыслительная установка, связанная с рассмотрением методологической роли философского знания. В соответствии с этим от современных философов ожидают осмысления фундаментальных проблем науки и формирования определенного «прорывного» знания, способствующего выходу науки на очередной виток развития. Вместе с тем, присутствует и иная точка зрения, связанная с представлением о выходе научной сферы на стадию самостоятельного развития, при котором удел представителей философско-научного дискурса – в первую очередь, наблюдать за развитием науки и констатировать происходящие в ней процессы. Однако, на наш взгляд, завершать подведение итогов кризиса в философии науки представлением о расхождении философского и научного знания не вполне корректно. И в пользу этого свидетельствует то, что в настоящее время все более серьезно актуализируется тенденция обретения теориями, формируемыми в рамках частных научных дисциплин общетеоретического значения. Таковы, например, языковые изыскания Ф. де Соссюра, обретшие статус философской парадигмы, или уста-

новки синергетики, которая в настоящее время рассматривается как одна из современных философских парадигм.

На наш взгляд, мысль о расхождении путей философии и науки и обретении последней полной самостоятельности не вполне корректна. Наука (равно как и набор факторов осуществления научной деятельности) качественно меняется в ходе своего развития, что подвергает изменениям и ее соотношение с философским знанием[2]. Вместе с тем, тот факт, что наука трансформируется, говорит одновременно и о том, что ее развитие должно быть осмыслено, а новые проблемы – решены, в связи с чем видится закономерным итогом возникновение нового витка в отношениях философского дискурса и области научного знания.

Литература:

1. Бахтиярова Е. З., Черникова И. В. История науки как основа построения философско-методологических моделей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. №347.
2. Данилова М. И. Наука и философия на пути нового единства / Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 225а-226
3. Философия: учебник / отв. за выпуск М. И. Данилова. Краснодар: Новация, 2017. 410 с.

ОСНОВАНИЯ И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕМЕНТАРНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКИ

Свечкарева Вероника Размиковна

Кандидат философских наук,

доцент кафедры «Гуманитарные науки и психология»

Астраханского государственного технического университета,

г. Астрахань

АННОТАЦИЯ.

В статье обозначены общие проблемы академической исследовательской этики, в том числе в сфере университетского образования. Автор указывает на этические проблемы, которые прямо касаются ученых в условиях развития науки как коммерческой деятельности и в сфере профессионального образования. В статье также рассматриваются особенности формирования имиджа науки в аспекте комплементарности классической и неоклассической исследовательских парадигм. Обзор охватывает профессиональное образование, стандарты и этику в исследованиях и практике, распространяясь на последствия инноваций для общества в целом.

ABSTRACT.

The article identifies common problems of academic research ethics, including in the field of university education. The author points to ethical problems that directly concern scientists in the conditions of the development of science as a commercial activity and in the field of professional education. The article also considers the features of the formation of the image of science in the aspect of complementarity of the classical and neoclassical research paradigms. The review covers vocational education, standards and ethics in research and practice, extending to the implications of innovation for society as a whole.

Ключевые слова: этос науки, имидж науки, комплементарная этика, этика исследований.

Keywords: ethos of science, image of science, complementary ethics, research ethics.

Введение. В условиях современной ситуации кризиса ценностей, ценностного плюрализма с учетом постпозитивистского уклона особенно важной становится проблема ценностного основания научного знания. Речь идет о преодолении классического подхода разделения науки на отдельные предметные составляющие, на внутренние и внешние факторы ее развития. Самосознание науки

должно быть представлено в аспекте комплементарности должного и сущего, рационального и институционального, предметного и содержательного оснований имиджа науки в целом.

Подход, продемонстрированный и рассмотренный в статье, о комплементарном характере классического и постакадемического этосов науки, на наш взгляд, достаточно продуктивен. Ценности

исследовательского сообщества, зафиксированные двумя комплексами альтернативных этических императивов Мертона и Займена, носят очевидный комплементарный характер.

Со времен Бэкона и Декарта в науке прочно утвердились две основные точки зрения относительно ее моральности: 1. Вера должна быть отделена от философии, ученый не должен использовать теологические категории и пропагандировать свои идеи: пророку и демагогу нет места в аудитории (Бэкон, Вебер, Виндельбанд, Планк и др.). 2. Наука сама по себе этически нейтральна, а антигуманное использование ее достижений полностью обусловлено социальными факторами, уровнем развитости гражданского общества (Юм, Кант, Пуанкаре и др.).

Выделяют две основные сферы взаимодействия ценностей и науки: внешнюю и внутреннюю. Этические границы науки по отношению к культуре и обществу в целом составляют так называемый внешний круг этических проблем. К ним относятся ценностные основания взаимодействия между исследователями в рамках научного сообщества (отношения маститых и начинающих ученых, отношения в научно-исследовательских лабораториях и ученых советах, в комитетах по этической экспертизе в медицинских организациях и на производстве и т.д.). Этические границы деятельности отдельного ученого в области своих исследований, вопросы, связанные с наукометрическими показателями, авторским правом, патентами, включая научную достоверность, публикационную активность (индекс цитирования), право на ошибку и т.д., очерчивают внутренний круг этических проблем науки.

Эти и другие положения этики науки зафиксированы в рамках научной идеи Р. Мертона, получившей название «этос науки». Мертону впервые удалось идентифицировать и систематизировать правила отношений между исследователями в рамках научно-исследовательского сообщества.

Поиск единой формулировки норм в концепции Мертона был затруднен различием их трактовок и переложений у других авторов. Многие впоследствии указывали на несостыковки в геометрии норм ценностных оснований исследовательской деятельности и приоритетов развития знания. Б. Барбер отмечал, что Мертон не учел институционального аспекта бытия науки в обществах с различным характером социально-политического и социально-экономического развития (либеральных и авторитарных). Американский учёный Р. Богуслав охарактеризовал систему этических норм Роберта Мертона «... как мифологическую, абсолютно не сочетаемую со структурой существующих исследовательских сообществ и ценностными ориентациями их членов» [4, с. 155-156]. Свою порцию критики мертоновских норм этоса науки добавляет П. Фейерабенд: «...наука гораздо ближе к мифу, чем готова допустить философия науки. Это одна из многих форм мышления, разработанных людьми, и не обязательно самая лучшая. Она ослепляет только тех, кто уже принял решение в пользу

определенной идеологии или вообще не задумывается о преимуществах и ограничениях науки. Поскольку принятие или непринятие той – или иной идеологии следует предоставлять самому индивиду, постольку отсюда следует, что отделение государства от церкви должно быть дополнено отделением государства от науки – этого наиболее современного, наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института. Такое отделение – наш единственный шанс достичь того гуманизма, на который мы способны, но которого никогда не достигали» [2, с.295].

Эта концепция нашла отклик и в советской науке [1], однако не получила дальнейшей разработки. Новый виток полемики вокруг этической проблематики научно-исследовательского сообщества начинается уже в постсоветской России, который, несомненно, был связан с общими процессами капитализации и коммерциализации отраслей научной деятельности [3; 4]. В этих исследованиях (В.С. Степина, Н.В. Мотрошиловой, Е.З. Мирской, Л.П. Киященко, Б.Г. Юдина, И.Т. Фролова, Б.И. Пружина и др.) была представлена чрезвычайно широкая интерпретация понятия «этоса науки» [3; 4].

Несмотря на критику, мертоновская классическая парадигма этики науки все еще остается актуальной и фундаментальной. Однако, Джон Займен предложил неомертоновскую концепцию этоса науки, рассмотрев ее классический вариант в контексте феномена науки как коммерческой деятельности. Займен отмечает существование двух научных сообществ — традиционного академического и нового постакадемического, вышедшего за рамки научных лабораторий и исследовательских групп, превращающихся в бизнес, пронизанного меркантильностью, и тесно сотрудничающего с властными, промышленными, финансовыми структурами. Он предложил систему норм, которая, по его мнению, характеризует постакадемическую науку. Займен считает, что ученые (а они всегда, как правило, профессура) должны быть более чувствительны к вопросам этики. Это означало, что раньше университетская наука представляла собой стереотип науки в ее самой чистой классической форме: «Когда ученые говорят о научных исследованиях, они, прежде всего, имеют в виду научную работу в университетах, где знание функционирует через систему хорошо установленных механизмов научной деятельности (рецензирование равными, уважение к приоритету первооткрывателя, цитирование, продвижение по службе в соответствии с научными достижениями), которые сами по себе всегда эффективно работают» [6, с. 40]. Сами ученые утверждают, что они принадлежат к сообществу, что они признают друг друга как людей, поддерживают инвакомыслие, разделяют многие ценности и цели своей социальной структуры. Но это сообщество, по сути, является условным. Слово используется для обозначения «всех тех, кто разделяет определенные общие принципы рациональности и объективности, и имеют такой уровень взаимного доверия, на который они могут рассчитывать для достижения истины в пользу человечества» [6, с.40]. С

одной стороны, утверждает единство этой группы в обществе в целом. С другой стороны, он утверждает, что его членами являются люди, которые связаны благодаря их общему отношению к обучению и исследованиям.

Концепция научного сообщества является частью традиционной философской культуры. В то же время, однако, он заключает науку в социологический «черный ящик», внутренняя структура которого считается неактуальной к достижению знаний. Действительно, сила этой научной культуры фиксируется даже среди «чемпионов социологии научного знания», которые рассматривают более широкую институциональную структуру как продукт процессов за работой в исследовательской лаборатории, снижая ее влияние на эти процессы [6, с.28].

CUDOS Мертона Займен трактует по-своему: Community — «плоды академической науки должны рассматриваться как всеобщее знание», Universalism — «вклады в науку не должны оцениваться исходя из соображений расовой, национальной, религиозной принадлежности, социального статуса или других и релевантных критериев», Disinterestedness — научные притязания должны быть избавлены от «субъективных факторов, которые изначально могут повлиять на исследование» и его конечный результат, Originality — «каждый исследователь должен внести в науку что-то новое» и Scepticism — тщательное изучение результатов исследований для ответа на вопрос, «каким выводам можно доверять, а какие следует поставить под сомнение?» [6, с. 33-42].

В своей версии этоса науки Займен выступил за иную трактовку норм применительно к «неакадемическим» областям и коммерческим механизмам регулирования научно-исследовательской деятельности в производственной сфере. Дополнительная система норм получила название (выраженное акронимом) PLACE, где: P — «proprietary work», т. е. акцентирование «права собственности»; L — local work, т. е. необходимость решения локальных задач; A — authoritarian work, т. е. особая, «начальственная» система управления в ряде научных областей; C — commissioned work, т. е. работа на заказ; E — expert work, т. е. решающая роль групп экспертов.

Как считает Займен, что новые нормы PLACE фиксируют деятельность академических кругов и современных образовательных организаций, занимающихся исследованиями и инновационными разработками с учетом их финансирования извне. Их этос несовместим с академическим, если сравнивать с концепцией Мертона, который считал, что имидж ученого как бескорыстного служителя науки может пострадать (ученый должен стремиться к поощрению своей деятельности не через стремление получения дохода, а к признанию через уважение и почет): «Многие карьерные проблемы, возникающие при академическом исследовании, можно проинтерпретировать в рамках практического противостояния между неявными требованиями CUDOS и более явными принципами PLACE. В некоторых кругах считается, что последний этос

уже полностью пришел на смену первому, в процессе модернизации и рационализации», — отмечает Займен [6, с. 179].

Сравнивая две системы норм, мы видим, что они отражают разные типологии карьеры ученого. Если система Мертона ассоциируется с индивидуальной карьерой, направленной на признание и престиж, то система норм Займена связывается с карьерой организационной, попыткой добиться как можно более высокого места в организационной иерархии. Таким образом, концепция этоса науки, созданная Робертом Мертоном и его последователями, призвана определять нормы и ценности, по которым существует научное сообщество и осуществляется сертифицированное знание.

Надо сказать, что «Реальная наука» книга очень интересная, содержит 10 глав, охватывающих такие разнообразные темы, как наука под атакой, исследования как исследования, академическая наука как культура, оригинальность, научная политика, финансирование, бюрократизация, доверие, объективность и многие другие. Это проблемы, которые научное сообщество всегда интересовало.

Нет сомнений в том, что автор обладает достаточной квалификацией, чтобы писать о таком множестве сложных предметов. Займен уволился из Бристольского университета, где он был профессором теоретической физики, и был избран в Королевское общество в 1967 году. В 70-е годы его интересы переместились к философии науки. Он рассуждал о социальном измерении науки и социальной ответственности ученых в многочисленных эссе и книгах. Займен занял чрезвычайно широкую тему. Наука сильно варьируется от одной дисциплины к другой и постоянно претерпевает метаморфозы. Изучение академической науки и междисциплинарности Займена очень интересно и с точки зрения полемики о смещениях научной парадигмы Томаса Куна.

Несмотря на то, что «реальная наука» Займена фокусируется на науке в Соединенном Королевстве, нельзя не отметить, что предложенная концепция отражает и состояние «реальной науки» и в отношении понимания состояния науки в «глобальном научном сообществе». Ввиду стремительно развивающейся глобализации это и немаловажно и полезно. Кроме того, в связи с обсуждением автором вопроса о патронаже и финансировании науки было бы полезно узнать его мнение о роли многонациональных корпораций. Как они будут искать научное превосходство? Как наука будет финансироваться, поскольку виртуальное «государство» (наднациональная наука) получает больший след и просматривается все больше?

Ученым и «ученым-анти-ученым» нужен более реалистичный образ науки. Традиционный способ исследования, академическая наука - это не просто «метод»: это отличительная культура, члены которой получают уважение и занятость, публикуя свои выводы. Жесткая конкуренция за доверие строго регулируется сложившейся практи-

кой, такой как экспертная оценка. Высокоспециализированные международные сообщества независимых экспертов формируются спонтанно и генерируют тип знаний, которые мы называем «научными» - систематическими, теоретическими, эмпирически проверенными, количественными и т.д. Займен показывает, что эти знакомые «философские» черты научного знания неотделимы от обычных познавательных способностей и специфических социальных отношений его производителей. Этот широкомасштабный крупный план естественных и гуманитарных наук признает их уникальную ценность, показывая пределы их рациональности, надежности и универсальности. Это также показывает, как, к лучшему или худшему, новая «постакадемическая» исследовательская культура командной работы, подотчетности и т.д. ведет к лучшему (или к худшему). Такое понимание специфики генезиса знания и его связи с обществом, социальным измерением, и учитывая социальную ответственность исследователя, меняет эти «якобы вечные» философские характеристики науки. В самом деле, конкретизация, модификация норм применительно к различным разновидностям научно-исследовательской деятельности нужна, поскольку широкая полемика вокруг этической проблематики науки способствует не только формированию позитивного имиджа науки в общественном сознании, но и оправдывает увеличение ее финансирования в образовании и на производстве. Поэтому, в целом постакадемический этос не противоречит мертоновской парадигме, и уж во всяком случае, не отменяет ее.

Таким образом, можно расширить историю исследовательской этики за пределы стандартного описания кодификации науки, т.е. той ее истории, которая не выходит за пределы второй мировой войны, когда в 1942 году была опубликована статья Р. Мертона «Нормативная структура науки». В июле 2017 года в междисциплинарном веб-журнале «Наука и инженерная этика» была опубликована другая статья, которая, подытоживая изыскания Займена, постулировала факт развития знания, как его поститория [5].

Заключение. В этой статье предлагается история этики исследований, ориентированная на «самость» (имя) в науке, то есть специфическую роль ученых, как правило, описываемых с точки зрения их навыков и компетенций. В статье утверждается, что «революции», которые эти исследования стремились развязать, были, среди прочего, восстаниями против унаследованных концепций научной самости. Эти идеалы самости, несмотря на их оспариваемую природу, были реализованы на практике, поскольку они влияли на политику найма и отбора и нашли свой путь в образовательных системах. Пытаясь пересмотреть идеалы классической пара-

дигмы этоса науки в соответствующих областях исследования, социология знания «расширилась» до понимания комплексного характера ценностных и институциональных оснований науки, до преодоления себя как частной дисциплины.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы: во-первых, в историографии этической проблематики науки уместнее говорить о комплементарности двух предметных составляющих феномена моральности науки – как объективном (рационально-обоснованном) знании и социальном институте. Проект восстановления научного «я» как важного предмета исследования в истории исследовательской этики не является устаревшим с точки зрения коммерческой стороны научной деятельности, но связан с этическим вопросом, с которым сталкиваются сегодня ученые: как их научное ядро формируется схемами финансирования, протоколами оценки исследований, а также академическую политику найма? Постакадемическая этика, таким образом, науки не опровергает и не отменяет классическую академическую (мертоновскую) парадигму, поэтому обе традиции, следует рассматривать как комплементарные. Академическая этика ближе к отраслям университетской науки и лучше соотносится с деятельностью ученых соответствующих специализаций. Постакадемическая этика ближе к неакадемическим областям и институтам научной деятельности и лучше коррелируется с хорошо финансируемыми производственными отраслями науки и наукоемкими технологиями.

Список литературы

1. Наука и нравственность: Сборник статей. Под ред. В.И.Толстых. – М.: Политиздат, 1971. – 440 с.
2. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания: пер. с англ. А.Л.Никифоров. М: АСТ, 2007. – 413 с.
3. Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: URSS, 2009. - 256 с.
4. Этос науки / РАН. Ин-т философии ; Ин-т истории естествознания и техники / Отв. ред.: Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Academia, 2008. – 544 с.
5. Herman Paul. The Scientific Self: Reclaiming Its Place in the History of Research Ethics // Science and Engineering Ethics [Пауль Герман. Научное «я»: восстановление своего места в истории исследовательской этики / Наука и инженерная этика] / <https://link.springer.com/article/10.1007/s11948-017-9945-8.pdf>
6. John Ziman. Real Science: What It Is, and What It Means. - Cambridge: Cambridge University Press, 2000 / [Джон Займен. Реальная наука: что это такое и что это значит. - Кембридж: Кембриджский университет, 2000]. – 399 с.

**РОМАН Ф. КАФКИ «ПРОЦЕСС» И ОСМЫСЛЕНИЕ МИРА И СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ЮРИДИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ И СИМВОЛАХ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА**

*Семенович Александр Владимирович
аспирант*

*Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)*

*по направлению: 47.06.01 Философия, этика и религиоведение, направленность (профиль):
09.00.04 Эстетика*

АННОТАЦИЯ.

В статье представлен вариант рассмотрения романа Ф. Кафки «Процесс» в контексте юридических категорий и символов судебного процесса. Присутствующие в романе юридические категории и символы судебного процесса являются средствами осмысления автором произведения, в лице созданного им образа главного героя, самого себя, своего существования, окружающего его мира и других людей. Наблюдается уникальный эстетический эффект, когда юридические категории и символы судебного процесса выступают основой для формирования сложной многоуровневой художественной реальности литературного произведения.

ABSTRACT.

The article presents the variant of considering the novel of F. Kafka "the Process" in the context of legal categories and symbols of the judicial process. The legal categories and symbols of the litigation present in the novel are means for the author to comprehend the work, in the person of the image of the protagonist, himself, his existence, his surrounding world and other people. There is a unique aesthetic effect, when legal categories and symbols of the judicial process are the basis for the formation of a complex multilevel artistic reality of a literary work.

Ключевые слова: процесс, юридические категории, судебный процесс, закон, арест, эстетический эффект, осмысление существования.

Key words: process, legal categories, litigation, law, arrest, aesthetic effect, understanding of existence

Роман Ф. Кафки «Процесс» сразу после первого опубликования обозначил проблему своего толкования. В настоящее время имеется более чем значительное количество самых разнообразных вариантов интерпретаций данного произведения. Наиболее часто встречаются варианты объяснения романа с психологических, религиозных, политических, философских позиций. При этом нередко поиски смыслов приводят к выводам о том, что основной идеей романа является выражение абсурдности существования человека, бессмысленности и непостижимости бытия, проявление сарказма по отношению к юстиции. Несмотря на все предпринятые попытки проблема толкования романа остается нерешенной и по сей день. Обращаясь к роману Ф. Кафки «Процесс», мы не испытываем иллюзии в отношении того, что сможем отыскать наиболее аутентичное толкование данного произведения. Вероятнее всего это сделать невозможно, на что обращал внимание еще А. Камю: «... детальная интерпретация Кафки невозможна. Символ пребывает в стихии всеобщего... буквальный перевод символа невозможен. Символ всегда возвышается над тем, кто к нему прибегает: автор неизбежно говорит больше, чем хотел» [3, 93].

Не оспаривая значения и ценности уже имеющихся толкований и интерпретаций романа, мы полагаем актуальным его рассмотрение в контексте юридических категорий и символов судебного процесса. Мы видим, что все действие романа разворачивается в пространстве юридических категорий: «процесс», «арест», «вина», «закон» и т. п. художе-

ственные образы романа тесно связаны с традиционной символикой судебного процесса: «зал суда», «слушание дела», «адвокат», «судебная канцелярия» и т. п. Присутствующие в романе юридические категории и символы судебного процесса оказываются органически связанными с обыденным, повседневным, бытовым. Такая взаимосвязь может быть истолкована как намеренное обесценивание и обесмысливание судебного процесса, участником которого является Йозеф К., а также всей судебной системы, юстиции и закона. По всей видимости такой подход и приводит к наиболее простому выводу о необходимости толкования произведения как выражения абсурдности бытия и проявления сарказма по отношению к юстиции.

Между тем, существуют основания полагать, что присутствующие в романе юридические категории и символы судебного процесса являются средствами осмысления автором произведения, в лице созданного им образа главного героя, самого себя, своего существования, окружающего его мира и других людей. При этом, именно для того, чтобы такое осмысление было полным и объективным, юридические категории и символы судебного процесса встречаются на протяжении всего романа во всех проявлениях бытия: начиная от спальни главного героя и заканчивая храмом.

На справедливость обозначенного нами подхода указывают, прежде всего обстоятельства написания романа. Известно, что непосредственно до начала работы над данным произведением произошел разрыв помолвки Ф.Кафки с Ф. Бауэр. Разрыв этот произошел по инициативе самого Ф.